

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

УДК 81.42

БИПОЛЯРНОСТЬ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ» В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАНИХ РАССКАЗОВ Л. АНДРЕЕВА

А.В. Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

В статье рассматривается феномен биполярности концепта «Жизнь/Смерть» и особенности его вербализации в текстах ранних рассказов Леонида Андреева. Цели работы заключаются в выявлении и описании средств и способов экспликации концепта «Жизнь/Смерть» и обосновании его биполярной природы. Актуальность исследования определяется назревшей необходимостью осмысления когнитивной структуры особого типа — биполярного художественного концепта, текстообразующая роль которого в оппозитивном дискурсе все еще остается неисследованной. Для идиостиля Л. Андреева таковой — биполярный концепт «Жизнь/Смерть». В данной работе предпринята попытка показать, каким образом внутренний конфликт писателя воплотился в культурно-познавательном содержании столь масштабного в своей биполярности концепта.

Ключевые слова: оппозитивный дискурс, биполярный концепт, художественный концепт «жизнь/смерть», лингвокультурология

Введение

Несмотря на долгую историю своего существования, термин «концепт» за последние несколько десятилетий получил новую интерпретацию. С позиции лингвокультуролога Ю.С. Степанова, концепт — «сгусток культуры в ментальном мире человека; это то, в виде чего культура входит в сознание целого языкового сообщества» (Степанов, 1997: 40). Созвучное понимание концепта утверждает и В.В. Демецкая, называя концепт «единицей культурной семантики» (Демецкая, 2007: 25).

Несмотря на обширный корпус исследований в области когнитивной лингвистики, имманентная сущность концептов до сих пор представляет собой белое пятно в лингвоконцептологии. Бабушкин А.П. предлагает классифицировать концепты по способу их репрезентации в языке и выделяет лексические (вербализуемые одной лексемой) и фразеологические (вербализуемые сочетанием лексем) (Бабушкин, 1996). Дополняют эту концепцию З.Д. Попова и И.А. Стернин, говоря о концептах, вербализуемых клишированными выражениями (афоризмами, пословицами, поговорками) и текстовых концептах (вербализуемых текстами любой длины и любого объема) (Попова, Стернин, 2002: 77–83). Особо значимым в контексте авторского исследования является деление концептов на по-

знавательные и художественные, предложенное Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 1999).

В дискуссии о сущности и систематизации концептов принимают участие не только авторитетные лингвокогнитологи (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, В.И. Карасик, Е.Г. Прохоров и др.). К ним присоединяются и начинающие исследователи (З.Р. Аглеева, Е.В. Дзюба, Е.Ю. Пономарева, Г.Н. Боева и др.), размышляющие о когнитивном субстрате необычных речевых репрезентантов художественной картины мира, подобной той, которая создавалась Леонидом Андреевым в начале XX века.

В текстах своих ранних рассказов писатель представил читателю выстроенный на метаморфозе новый тип концепта русской лингвокультуры на изломе мятежных веков. Лежащий в основе его слова концепт наполнен дыханием мятежных стихий, тревожными мыслями, мистическими ощущениями, философскими раздумьями, неутомимыми творческими исканиями в биполярном единстве жизни и смерти. Единство столь противопоставленных явлений достигается тем, что бескомпромиссное восприятие смертности всего сущего усиливало в его героях чувство жизни, придавало им синергию бытия и одухотворенность. Целостность концепта «Жизнь/Смерть» во взаимопроникновении двух его составляющих: в текстах ранних рассказов Леонида Андреева смерть — одновременно и трагедия, и проверка ценности прожитого; это и естественное завершение жизненного пути, и та высь, с которой человеческому пониманию открывается мудрая и потаенная сущность благодати.

Понимание ценности биполярного концепта «Жизнь/Смерть» как базового для культуры любого народа связано со вселенским характером явлений, обычно включаемых в оппозитивные представления о постоянно возобновляющемся круговороте рождений и смертей. Их универсальный характер обусловлен пониманием того, что все живое находится между двумя полюсами своего бытия: рождением/появлением и гибелью/разрушением.

Практическое и теоретическое значение исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется анализ сложного смыслового пространства биполярного концепта как текстообразующего средства в словесно-художественном мышлении творца. Выявление системообразующего потенциала такого концепта немыслимо без его погружения в идиостиловую континуум концептосферы писателя.

Понятие концептосферы в данном исследовании ценно тем, что оно помогает понять, каким образом язык служит не только способом художественного общения, но и основным репрезентантом этнокультуры, воплощаемой в языковой личности писателя, его идиостиле. Это послужило основанием для утверждения О.С. Акединой о том, что «современная наука при исследовании художественного текста, языка отдельного автора все чаще рассматривает концепт в рамках идиостиля» (Акедина, 2013: 3).

Цель

1. Обосновать биполярную сущность художественного концепта «Жизнь/Смерть» в ценностно-смысловой парадигме идиостиля писателя, в котором, если следовать за Ю.Н. Карауловым (Караулов, 1987), проявляется своеобразие язы-

ковой личности писателя на всех ее уровнях: 1) на лингво-когнитивном, или тезаурусе, отражается индивидуально-авторская картина мира; 2) на вербально-семантическом — внутренний (ментальный и речевой) лексикон; 3) на мотивационном уровне, или уровне деятельно-коммуникативных потребностей, отражается прагматикон личности — система ее целей, мотивов, интересов и установок при порождении художественного текста.

2. Показать механизмы сопряжения в смысловой структуре биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть» когнитивно-культурных универсалий (а) и уникальной художественно-эстетической ментальности (б).

Материалы и методы

Материалом исследования стали рассказы Л. Андреева, относящиеся к раннему этапу его творчества. Они представлены с позиций концептуального анализа, получающего в отечественной лингвокогнитивистике все большую популярность. Изучение биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть» опирается на идеи лингвистического психологизма. Еще в 30-е годы XX столетия данный подход к художественному концепту предложил С.А. Аскольдов, настаивавший на его субъективной природе. Ученый полагал, что именно наличие «чуждой логике и реальной прагматики художественной ассоциативности» — пожалуй, самый существенный признак художественного концепта (Аскольдов, 1997: 275).

Ведущим методом исследования биполярного художественного концепта является когнитивно-семантический анализ художественного дискурса Л. Андреева, который реализуется не только на уровне текста, но и вертикального контекста, сопрягая в единое целое элементы языковой и неязыковой семантики.

Результаты

Сопряжение концептосферы и идиостиля проявляется в избранных автором жанре, теме, средствах и приемах выражения авторского замысла, отборе лексических средств и т.д. Отсюда вывод: концепт есть ключ для адекватного восприятия содержательного аспекта художественного текста, а также «эмоционально-оценочной информации за счет содержащегося в концепте этнокультурно обусловленного эстетико-смыслового кода» (Миллер, 2004: 15). В нашем случае через экспликацию ассоциативно-коннотативной составляющей содержания биполярного концепта «Жизнь/Смерть» происходит постижение авторского замысла, обрамленного в форму литературного произведения.

Биполярная сущность художественного концепта «Жизнь/Смерть» в ценностно-смысловой парадигме идиостиля Леонида Андреева состоит в том, что концепт «Жизнь» не может быть достоверно эксплицирован в ранних рассказах Л. Андреева без обращения к закрепившемуся в языковом сознании его антиподу — концепту «Смерть». Антитеза «Жизнь-Смерть» в рассказе соотносится не с преднебытием, рождением и постнебытием, согласно этико-философскому сознанию, а с самим процессом жизни, изображенном в рассказах.

Обсуждение

Анализ статей толковых словарей, составители которых представители традиционно полярного экспрессивно-эмоционального мировосприятия и мироощущения (сдержанные, порой чопорные англичане и чувственные, пылкие итальянцы) служит основанием для предположения о корпоральной сущности универсальной оппозиции «жизнь» — «смерть», без которой, практически, не существует ни одной языковой картины мира.

Действительно, на базе **восприятия и ощущения** окружающего мира осуществляется концептуализация его базовых явлений, формирующая наивные понятия (концепты), при вербализации которых в языковом сознании закрепляются и сохраняются устойчивые ассоциативные связи о данном фрагменте мировосприятия. Затем происходит логическая обработка ранее воспринятого: обобщение свойств и признаков воспринимаемого объекта в виде понятия. Ее результаты представлены в словарных дефинициях. [Ср.: типичные словарные дефиниции английской и итальянской лексикографии (“Oxford English Reference” и “Garzanti Linguistica”). Толковый словарь английского языка “Oxford English Reference” разъясняет: 1. «Жизнь» (“life”) — 1. Состояние, которое отличает животных и растения от неорганической материи, т.е. способность расти, двигаться, меняться до самой смерти. 2. Живые существа и их активность. 3. Период, в течение которого протекает активная деятельность, или период от рождения до настоящего момента, от рождения до смерти, период существования вещи или ее способности функционировать (Pearsall, Trumble, 2002: 178). В толковом словаре итальянского языка: «Жизнь» (“la vita”) — 1. Комплекс функций, которые делают организм животного или растения способным сохраняться, развиваться, размножаться и войти в отношения с окружающей средой и с другими организмами. 2. Пространство между рождением и смертью; существование человека, набор фактов и опыта. 3. *Перен.* жизнь, жизненная сила; бодрость; живость; оживление (Garzanti italiano..., 2004: 201). Как несложно заметить, Оксфордский словарь, в отличие от итальянского, не фиксирует переносные смыслы понятия «жизнь».]

Подобным образом лексикографируется и понятие «смерть» (“death”). Оксфорд — 1. Полное прекращение жизненных функций организма, конец жизни. 2. Событие, которое прекращает жизнь. 3. Факт или процесс убийства или самоубийства, факт или состояние смерти. 4. Разрушение или прекращение чего-либо. 5. Что-то ужасное или отталкивающее (Pearsall, Trumble, 2002: 622). Итальянский словарь: «смерть» (“la morte”) — 1. Необратимое прекращение жизненных функций в живых организмах: в человеке и в животных происходит при отсутствии дыхания и сердцебиения самопроизвольно. 2. Прекращение функций головного мозга (Garzanti italiano..., 2004: 701). Словарное описание понятия смерти Оксфордским словарем содержит указание на ее устойчивое восприятие как чего-то ужасного или отталкивающего. Восприятие обладает несколькими характеристиками:

- а) константностью, постоянством восприятия того или иного объекта;
- б) осмысленностью, т.е. приданием тому или иному объекту восприятия смысловой оценки;
- в) словесным обозначением его признаков и связей с другими объектами.

Центральным звеном восприятия служит осмысленность. Она, как правило, связана с определенным мировоззрением — системой взглядов на мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе. Андреев Л. в письме к М. Горькому признавался: «Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну...» (Андреев, 1965: 179).

Такие настроения писателя не могли не найти отражения в концептосфере его художественного мышления, понимание специфики которой было бы невозможным без анализа эволюции лингвокультурного восприятия художественного концепта «Жизнь/Смерть» как мощного источника биполярного смысла ранних рассказов писателя. Впрочем, не только Андреевского дискурса.

Данный концепт и каждый из его полюсов по отдельности находится в эпицентре семантического пространства языка в целом (Золотых, Бочарникова, 2012). Как заметила О.А. Ипанова, «понимание жизни, отношение к жизни в любой лингвокультуре представляет собой ориентир человеческого поведения, который определяет этноспецифические нормы и стереотипы общения, а также ментальность носителей языка» (Ипанова 2005: 5). Причем столь высокая значимость, роль концепта «Жизнь» в народной ментальности практически всегда сопряжена с осознанием неизбежности смерти как неотъемлемой и таинственной составляющей нашего бытия, не оставляющей равнодушным никого. Этим, собственно, и определяется тот неоспоримый факт, что концепты «Жизнь» и «Смерть» относятся к так называемым базовым ментальным сущностям, на основе которых происходит формирование других элементов концептуальной системы человека. Любопытно, что, погружаясь в дискурсивное пространство текстов Л. Андреева, эти два базовых лингвокультурных концепта сцепляются в единую смысловую оппозицию, т.е. в биполярный художественный концепт «Жизнь/Смерть».

Являясь феноменами реального мира, лексемы, репрезентирующие эти концепты, по своему денотативному статусу, по характеру обозначаемой действительности, есть абстрактные субстантивы и, согласно словарю М.Р. Львова, признаются антонимами (Львов, 1984: 113). Однако их природа и сущность все еще не нашли убедительного истолкования. В отличие от Л.А. Новикова, в семантической классификации которого они относятся к антонимам контрадикторного типа, поскольку делят, по мнению ученого, семантическое пространство биологического существования пополам, автор считает их контрарными (там же).

Действительно, феномены «жизнь» и «смерть» выражают иллюзорную полярность. Контрадикторной противоположностью внутри данной бытийной сущности служат скорее антонимы *рождение* и *смерть*, а «жизнь», или собственно бытие, — связующее их звено.

Следовательно, «бытие» (в широком смысле — «существование»), имеет внутреннюю градацию: «рождение» — «жизнь» — «смерть». Жизнь (бытие) начинается с момента рождения и прерывается смертью. Однако такая интерпретация контрадикторной противоположности в основном относится к понятиям, а не концептам. Контрарная противоположность концептов, тем более художественных, зиждется на заключенных в их смысловом содержании переживаемых представлениях, где *жизнь/бытие* включает в себя *рождение* как свою исходную стадию.

В старину *жизнь/бытие* обозначало образ жизни, быт. В наше время оно закрепились в устойчивом шутовском сочетании *житье-бытье*. Подобный смысл имеют и другие однокоренные слова (*быт, бытность*). Все они относятся к повседневной жизни. Этим простецкое «житье» и отличается от возвышенного «бытие». Разумеется, они имеют и общую частицу смысла: и «житье» и «бытие» обладают временными параметрами. «Житье» (жизнь) подразумевает «то, что родилось, неизбежно движется к смерти». «Бытие» — то, что «всякая вещь имеет начало и конец». Несколько иной, категориально возвышенный, модус приобретает понятие «бытие» в научном дискурсе: ср. выражение *загадки бытия*. Концепт *бытие* с этимологической точки зрения оказался в промежутке между феноменами, с одной стороны, рождения и роста (жизни), а с другой — смерти. Интегрировав в процессе метафорического мышления их оценочно-образные смыслы, он обогатился многовекторными переживаниями: а) от восприятия рождения жизни, б) радости бытия и в) печального ощущения небытия. Их многоуровневое структурирование привело к образованию биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть». Немаловажную роль при этом сыграл статус данного концепта в религиозной картине мира.

По итогам анализа религиозного дискурса И.В. Чекулай и О.Н. Прохорова пришли к заключению о том, что «все постулаты религиозного мировоззрения сводятся к мысли о том, что концепт ЖИЗНЬ как ценность бытия следует рассматривать в конгломерате со СМЕРТЬЮ как реверсом медали, аверсом которой является ЖИЗНЬ». Нельзя не сказать, что в христианском контексте смерть в качестве периода существования рассматривается как продолжение жизни души и «в когнитивном плане эти концепты неразделимы» (Прохорова, Чекулай, 2006: 210).

Ли Джин Пинг и Е.В. Чернцова провели диахронический анализ средств, репрезентирующих концепты «Жизнь» и «Смерть». Исследователи подчеркивают, что доминирование в XI—XVII веках религиозных представлений определило связь жизни земной и загробной.

Действительно, производные от лексем *жизнь/смерть* прилагательные *живой/мертвый* противопоставлены только по признаку «жизнь/смерть тела, плоти». Детальный анализ средств экспликации лингвокультурных концептов «Жизнь» и «Смерть» позволили сделать вывод о том, что эти концепты «семантически не противопоставлены друг другу, а толкование каждого из соответствующих слов осуществляется взаимной отсылкой». Выводом из исследования двух концептов стала мысль о существовании единого концепта, «объемлющего две неслиянные и нераздельные части», которая находит свое подтверждение в дискурсивном пространстве текстов Л. Андреева (Пинг Ли, Чернцова, 2010: 118).

Анализ статей толковых словарей русского языка показывает, что исследуемые понятия в русской языковой картине мира изначально содержат широкий информативно-оценочный потенциал, а некоторые аксиологические смыслы и вовсе являются собой когнитивную метафору. В толковом словаре С.И. Ожегова «Жизнь», помимо универсальных для всех лингвокультур смыслов, содержит метафорическое значение: «оживление, проявление деятельности, энергии». Акте-

рам, например, часто приходится слышать требование режиссера: «Больше *жизни!*» (призыв действовать энергичнее, живее) (Ожегов, Шведова, 1997: 173). Д.Н. Ушаков в своем толковом словаре уточняет эту когнитивную метафору: *только ед.* «энергия, внутренняя бодрость, полнота духовных и нравственных сил» и *только ед.* «самое дорогое для человека, источник радости, счастья (книжн.)» (Ушаков, 2013: 192).

Широкий народно-понятийный ярус биполярного концепта «Жизнь/Смерть» в русской языковой картине мира определен и особым местом, которое он занимает в ряду ценностных концептов носителей русского языка. По данным некоторых исследователей, в русском языковом сознании он стоит на третьем месте по значимости после концептов «Человек» и «Дом» (Уфимцева, 2002). Проведенные А.А. Осиповой исследования позволили ей утверждать, что «противопоставление жизни и смерти выступает в качестве наиболее фундаментального в культуре, к нему сводятся все другие противопоставления» (Осипова, 2012: 15). Аксиологический анализ явления «Жизнь» связан с попыткой понять феномен человека, его бытия, отношения к миру и себе. А.А. Осипова отмечает, что определения сущности жизни как явления часто связано с поиском ее смысла, а историки философии утверждают, что различное понимание жизни и смерти отличает не только представителей разных культур, но и разных эпох. Не ставя перед собой цель детального анализа общекультурного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», автор останавливается на принципиально значимой в контексте исследования мысли: жизнь сцеплена со смертью, а понять жизнь можно только через саму смерть и наоборот.

«Оппозитивный дискурс» (термин Т.И. Красновой) — это способ существования языковой картины мира Л. Андреева, в котором биполярный концепт «Жизнь/Смерть» служит средством порождения оппозитивной структуры дискурса — коммуникативного события, положенного в основу текстообразования одного из ранних рассказов, «Баргамот и Гараська» (1898 г.). Если под феноменом «оппозитивности» понимать «интенционально мотивированную модализацию, понижающую деятельность субъекта языкового сознания» и «психическую реакцию на происходящее» (Краснова, 2015: 54), то важно определить то пространство, в котором формировалось отношение неприятия Л. Андреевым традиционно положительного восприятия жизни и резко негативного отношения к смерти. В этом плане целесообразно обратиться к мотивационному уровню языковой личности Л. Андреева, что сопряжено с анализом внеязыкового пространства художественного дискурса писателя, в котором реализуется языковая личность художника слова на «нулевом» (дотекстовом) этапе текстопорождения.

Андреев Л. справедливо считается представителем модернистского типа языкового сознания. Не случайно В. Маяковский в 1914 году назвал его «выразительным сыном своего времени», сознание которого было отравлено горечью вынужденности из быта и ощущением своей потерянности в нем (Маяковский, 2014: 353). По мнению Е.А. Михеичевой, утрата чувства уверенности и веры объединила представителей разных направлений в искусстве и «заставила их сказать твердое «нет» быту, вступить в «борьбу с бытом», прийти к «отрицанию бытия» (Михеичева, 2012: 149). Этой утратой дышат:

а) идиолект Л. Андреева (высокая концентрация слов с негативной коннотацией (жизнь — «страшная азартная игра», «сумбур», «хаос» и т.д. в рассказе «В темную даль»);

б) коммуникативные ситуации, смоделированные в его текстах (непризнанный писатель Алексей Георгиевич изливает душу девице легкого поведения Паше в рассказе «Памятник», лишенный детства Петька из рассказа «Петька на даче», несчастный мальчик Сашка из рассказа «Ангелочек», нелепо и бессмысленно умерший Николай Дмитриевич из рассказа «Большой шлем»);

в) концептосфера, определившая биполярный характер языковой картины мира Л. Андреева.

На ее биполярность указывают воспоминания современников писателя, считавших, что он страдал определенным расстройством личности. В контексте авторского исследования интересно и признание самого Л. Андреева о том, что его жизнь мучительна от постоянных головных болей, похожа на длительную пытку, хотя традиционно жизнь воспринимается как благо и великое счастье.

Сам термин «биполярный концепт» в когнитивной лингвистике не закреплен, в отличие от понятия «бинарные концепты», репрезентанты которых в большинстве случаев антонимы (такая мысль утверждается, в частности в диссертационном исследовании Д.Д. Хайруллиной) (Хайруллина, 2009: 2).

Биполярный концепт — это явление интегрального характера, плотно сцепленные воедино самостоятельные концепты, каждый из которых объясняется через противопоставление друг другу. Понимание биполярного концепта не должно и не может сводиться лишь к поиску антонимов: это объясняемое рядом экстралингвистических факторов, ментально закрепившееся противопоставление (учитывается тот факт, что смерть — это событие, а жизнь — процесс, и, казалось бы, прямым антонимом *смерти* должно быть *рождение*). Феномен биполярного концепта состоит в том числе и в стирании границ между явлениями, традиционно воспринимаемыми как контрастные, оппозитивные. По этому поводу интересна мысль Н.К. Михайловского: «Смерть часто “косит жатву жизни” в рассказах г. Андреева (Большой шлем, Молчание, Рассказ о Сергее Петровиче, На реке, Жили-были), а смерть — страшная штука. Но и жизнь бывает страшной штукой, как видно уже из того, что люди добровольно иногда меняют жизнь на смерть (Молчание, Рассказ о Сергее Петровиче)» (Михайловский, 2015). Орлова О.Г. в одном из своих исследований изучает биполярный чувственный образ, лежащий в основе некоторых лингвокультурных концептов: «Итак, структура концепта «воля» может быть описана следующим образом. Ядро концепта — базовый биполярный чувственный образ, в котором человек на воле противопоставлен свободному человеку» (Орлова, 2013: 170).

В контексте авторского исследования принципиально значима именно биполярность концепта, ведь Л. Андреев по ходу становления своего писательского «я» стирает границы между жизнью и смертью. «Г-н Андреев, — писал Н.К. Михайловский, — и к жизни, и к смерти подходит больше с этой последней стороны, со стороны их бессмысленной жестокости» (Михайловский, 2015). К утверждению такой мысли в концептосфере своих произведений Л. Андреев придет не с первых рассказов, в которых в большей степени актуализируется понятийный ярус концептов «Жизнь» и «Смерть», интегрируемых в единый биполярный макроконцепт.

Среди объективных смыслов концепта «Жизнь», составляющих его понятийный ярус, в ранних текстах Л. Андреев («Алеша-дурачок», «Баргамот и Гараська», «Ангелочек») воплощает следующие:

«Жизнь» — это:

- 1) «окружающий мир, внешнее бытие»;
- 2) «период существования человека»;
- 3) «образ существования человека»;
- 4) «проявление биологической жизни».

Так, в известном раннем рассказе «Баргамот и Гараська» (1898 г.), в основе которого лежит мотив духовного преображения человека (некое пасхальное чудо — Воскресение Христово), финальная фраза пьянчуги Гараськи становится средством экспликации таких объективных смыслов концепта «Жизнь», как «период существования человека», «образ существования человека» (— *По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...*). Синтаксис предложения (парцелляция, фигуры умолчания, лексические повторы), которое в композиционном плане является и кульминацией, и развязкой одновременно, позволяет смоделировать ассоциативно-образный ярус концепта «Жизнь», который представлен фреймом «Презрение»: русская языковая картина мира предполагает обращение к человеку по отчеству в случае, если необходимо выразить уважение и признание. Дважды наречие *презрительно* характеризует отношения Баргамота к Гараське («презрительно...смотрел», «презрительно ответил»). Не случайно средствами референции такого объективного смысла художественного концепта «Жизнь», как «образ существования» главного героя Гараськи, становится и фрейм «Пьянство», вступающий в причинно-следственные отношения с фреймом «Презрение» («пьяная особа», — именно это, полное безразличия словосочетание, становится первым средством характеристики Гараськи). Атрибуты повседневности пьянчуги («отрепья», «грязь», «полицейский участок», «ругань», «побои») превращают его жизнь в жалкое подобие. Не случайно именно лексема «существование» становится ключевым средством вербализации эмоционально-оценочного яруса концепта «Жизнь» в рассказе «Баргамот и Гараська», а лексема «лицо» намеренно подменена лексемой «физиономия». Лексема *пьяница*, дважды разрастающаяся до еще более мелкого, ничтожного — лексемы *пьянчужка* — становится средством вербализации одного из смысловых фашин концепта «Жизнь» — «образ жизни».

Анализируя концепт «Жизнь», среди его смыслов традиционно выделяют некоторые ориентационно-темпоральные структуры. Так, Е.В. Дзюба считает «включение в структуру концепта ориентационно-темпоральных смыслов» одним из «составляющих ядра концептосферы» (Дзюба, 2005: 183). Горизонтальное измерение, связанное с экзистенциальным бытием, с точкой локуса, по мнению Е.В. Дзюбы, является одним из ориентационных параметров жизни.

В случае с Гараськой ориентационный смысл концепта «Жизнь» вербализуется иронически окрашенной фразой: «Жил, то есть ночевал, Гараська по огородам, по берегу, под кусточками». Л. Андреев намеренно исключает все атрибутивы и репрезентанты концепта «Дом», который, с одной стороны, служит ключевым в русской языковой картине мира (вспомним упомянутое ранее исследование

Уфимцевой), а с другой — субконцептом, который входит в ассоциативно-образный ярус концепта «Жизнь», разрастающийся до фрейма «Бродяжничество». Понимание жизни как пути, странствия традиционно в культурах разных народов, но в русской православном дискурсе «Бродяжничество» — это форма экспликации концепта «Юродство». По этому поводу интересна мысль Е. Иноземцевой: «Очень интересно использование мотива пьянства в контексте ущемления гордыни, пьянства как подвида юродства в христианской картине мира» (Иноземцева, 2017).

Фрагмент текста Л. Андреева, где детально характеризуется образ жизни Гараськи, становится формой вербализации концепта «Юродство», встроенного в концептосферу «Жизнь/Смерть». Именно Гараська становится человеком, испытавшим христианскую любовь к своему врагу — полицейскому Баргамоту, неаккуратным движением разбившим пасхальное яйцо пьянчуги.

Действительно, основу коммуникативной ситуации, лежащей в основе рассказа, составляет борьба этих героев, обусловленная остро противоположным образом жизни. Субконцепт «Дом» в случае с Баргамотом представлен такими лексемами, как «хибарка», «устои», «семейный союз», «хозяйство». Все вербализаторы концепта «Жизнь» Баргамота выражают автологический смысл, что говорит и об образе мышления полицейского, категоричного в своих убеждениях и поступках: «Высокий, толстый, сильный, громогласный Баргамот составлял на полицейском горизонте видную фигуру и давно, конечно, достиг бы известных степеней, если бы душа его, сдавленная толстыми стенами, не была погружена в богатырский сон». Метафоричный оборот «душа..., сдавленная толстыми стенами...» контрастирует с образным оборотом, характеризующим Гараську — «бездонная...душа». Концентрация позитивно окрашенным лексем, обрамляющих образ Гараськи, по ходу погружения в текст усиливает ощущения сцепленности жизни пьянчуги с жизнью юродивого.

Так, концепт «Жизнь» в темпоральном плане раскололся на два отрезка: от рождения до Пасхи, когда впервые в Гараське рассмотрели человека, достойного обращения по отчеству. В эту секунду словно умирает пьянчужка Гараська и рождается новый человек. Именно такое ассоциативно-образное окружение коммуникативной ситуации, положенной в основу сюжета рассказа, побуждает на интуитивном уровне чувствовать присутствие концепта «Смерть», который в пасхальном, православном, дискурсе наслаивается на концепт «Жизнь» и отождествляется с ним («...смертию смерть поправ / и тем, кто в гробницах, / жизнь даровав»). Именно такая культурно и религиозно обусловленная сцепленность концептов «Жизнь» и «Смерть» заложена на идейном уровне художественного дискурса Л. Андреева и позволяет говорить о явлении интегрального порядка — биполярном художественном концепте «Жизнь/Смерть», который служит средством экспликации биполярности языковой картины мира Леонида Андреева.

Финальный фрагмент текста рассказа «Баргамот и Гараська», отличающийся от других произведений Л. Андреева своим жизнеутверждающим пафосом, становится средством экспликации биполярного художественного концепта «Жизнь»,

эмоционально-оценочный слой которого представлен фреймом «Перерождение»: встреча в канун Пасхи переродила и объединила героев-антагонистов. Пасхальное яичко, которое разбивает Гараська («К нему по-благородному, а он в ... в участок. Может, яичко-то у меня последнее? Идол!»), — символ вечной жизни, победы над смертью — становится не просто литературным мотивом, побудившим героев к смягчению, доброму поступку. Яйцо в повести служит также символом *смерти, озлобления* душ полицейского и пьяницы.

Лексема *яичко* (ни разу в тексте не употребляется без уменьшительно-ласкательного суффикса) — культурно и религиозно маркированный репрезентант художественного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», который в языковом сознании Л. Андреева связан с субконцептом «Душа»: именно субстанция Душа в русской языковой картине мира воспринимается как граница между земной жизнью и смертью.

По этому поводу примечательна мысль Р.М. Бикмухаметовой, которая утверждает, что «семантическую основу паремий и фразеологизмов со значением «жизнь» чаще всего формирует слово *душа*» (Бикмухаметова, 2013: 22). Несмотря на жизнеутверждающий пафос произведения, на мажорный тонус его ценностно-смыслового модуса, чувствуется присутствие смерти, запрограммированное на уровне возрождающего пафоса Пасхи. Видимо, поэтому смерть здесь не связана с традиционными атрибутами конца земной жизни, а наоборот, мыслится как новый этап жизни, представленный фреймами «Перерождение» и «Катарсис», что окончательно утверждает целесообразность использования понятия «биполярный художественный концепт».

Действительно, многие критики говорили о том, что в этом рассказе Л. Андреев вслед за Максимом Горьким стремился вскрыть «чувства добрые» под грубым образом опустившегося человека, противопоставляя мир внешний и мир внутренний, духовный. Оптимистический модус концептосферы «Жизнь/Смерть», репродуцированный в пасхальном рассказе «Баргамот и Гараська», впоследствии развенчается самим Леонидом Андреевым в силу многих факторов: любовных неудач, слабого здоровья, неоднозначной реакции публики и критиков, множественных расстройств психического характера. Уже в следующем опубликованном также в 1898 году рассказе «Алеша-дурачок» эмоционально-оценочный пласт концепта «Жизнь» эксплицируется фреймом «Несправедливость». Лексема «дурачок», традиционно являющаяся вербализатором концепта «Юродство» (чувствуется связь с предыдущим рассказом), вынесена в название и служит не только средством характеристики умственных способностей главного героя, но и характеристикой отношения к нему окружающих: несчастный юноша терпит побои со стороны хозяйки квартиры, где он живет, «известной всей Пушкинской Акулины, которая посылает его собирать копейки, и если копеечек набирается достаточно, совершается на них пьянство и дебош». Если в рассказе «Баргамот и Гараська» доброе намерение неблагополучного Гараськи вознаграждается теплом и добрым отношением, то Алеша, спасший тонущего человека, исчезает без вести. Открытый финал произведения обнаруживает присутствие концепта «Смерть» («Может, замерз под забором...»), что в таком контексте делает не только смерть, но и жизнь бессмысленной и несправедливой.

Бессмысленно и нелепо «умер от паралича сердца» Николай Дмитриевич, герой рассказа «Большой шлем» (1899 г.), в основе сюжета которого лежит мотив смерти во время успеха за карточным столом.

В художественном пространстве данного художественного текста «Игра» представляет собой субконцепт, когнему, встроенную в структуру биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть», составляющего лингво-когнитивный уровень языковой личности Л. Андреева. Корнеева Е.В. в своем диссертационном исследовании утверждала, что игра — это инвариант неблагополучия, недовольства собой, попытка защитить себя от боли, наносимой реальной действительностью, уйти от нее (Корнеева, 2004: 10).

Так, эмоционально-оценочный пласт художественного концепта «Жизнь» в рассказе вербализован лексемами *ярмо, кровь, слезы, стоны*, которые намеренно сосредоточены автором в одном фрагменте текста, характеризующем окружающий Николая Дмитриевича мир: «Дряхлый мир покорно нес тяжелое ярмо бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных. Слабые отголоски этой тревожной и чуждой жизни приносил с собой Николай Дмитриевич». Совершенно внезапно для читателя Л. Андреев создает такой ужасающий образ реального мира, от которого зыбкой стеной отделены игроки. Здесь и проявляется прагматический уровень языковой личности творца, остро чувствующего социальную несправедливость, шаткость мира и глобальную разобщенность людей. Неудивительно, что погибает именно Николай Дмитриевич, которым совершенно необъяснимо оказывается единственным, кто соприкасается с миром реальным, неигровым.

Мотивационный уровень языковой личности проявляется также и в композиционной стратегии текстопорождения. Текст лишен экспозиции и открывается неопределенно-личным односоставным предложением: «Они играли в винт три раза в неделю...». Эта фраза выражает категорию постоянства, характеризующую жизнь как миропорядок, проявляющийся в привычном образе жизни отдельных людей. Интересно, что именно игра является оппозицией миропорядку с его строгой иерархичностью. Это словно две крайности одного явления — жизнь. Высокая степень концентрации лексемы *игра* в рассказе «Большой шлем» усиливает ощущение абсурдности жизни и формирует оценочный пласт художественного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», эксплицируемого в коммуникативной ситуации — денотативном основании текста. Пытающиеся забыть за карточной игрой уже, казалось бы, близкие друг другу люди получают обратный эффект: игра диктует им свои правила, лишая свободы и чувств. Напуганные близостью смерти («*Яков Иванович мелкими и неуверенными шагами ходил по комнате, стараясь не глядеть на покойника...*»), герои оказываются обеспокоенными лишь одним: «— *А где же мы возьмем теперь четвертого?*» Опустошенный бесконечной игрой внутренний мир героев заставляет читателей стереть грань между живыми Яковом Ивановичем, Евпраксией Васильевной, Прокопием Васильевичем и мертвым Николаем Дмитриевичем.

Именно в таком направлении «обесценивания» жизни и будет двигаться Л. Андреев в более поздних рассказах, которые могут стать объектом внимания отдельного исследования.

Заключение

Идиостиль Л. Андреева, представляющий собой языковое средство реализации идиолектной личности автора, на всех уровнях (лексическом, синтаксическом, экстралингвистическом, композиционном и стилистическом) пронизан пафосом одиночества и людской разобщенности. Именно такое восприятие окружающей действительности определило особенности экспликации биполярного концепта «Жизнь/Смерть», доминантного в идиостиле Л. Андреева.

Для лексического уровня идиостиля характерно смещение смысловых акцентов слов с отрицательной коннотацией, которые либо определяют качество жизни героя, либо специфику его отношений с окружающими (*ярмо, кровь, слезы, стоны, пьянство* и др.). Не стремясь нивелировать ценность человеческой жизни как таковой, Л. Андреев размышляет над страшными последствиями духовной смерти. Он заставил проникнуться жутким, леденящим сознанием непроницаемой пропасти, лежащей между человеком и человеком.

Синтаксический уровень экспликации биполярного концепта «Жизнь/Смерть» представлен парцелляциями, фигурами умолчания, восклицательными предложениями, раскрывающими эмоциональное состояние людей, оказавшихся в ситуации, меняющей их жизнь.

Композиционный уровень отличается особой организацией художественного времени и пространства, всецело подчиненного авторскому мировосприятию (возрождение души героя происходит в канун Пасхи, людская разобщенность проявлена в замкнутом пространстве, которое, казалось бы, должно их объединять др.).

Таким образом, идиостиль определяется как единство словесно-художественных средств, отражающих авторскую лингвопрагматику и эстетику контраста, обусловленную сюрреалистическим сознанием писателя репрезентацию мега-концепта «Жизнь/Смерть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.
- Акетина О.С.* Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3. С. 3–8.
- Андреев Л.Н.* Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с.
- Аскольдов (Алексеев) С.А.* Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
- Бикмухаметова Р.М.* Концепты «жизнь» и «смерть» в русском и башкирском языках (на материале паремиологических и фразеологических единиц) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 35 (326). С. 19–22.

- Демецкая В.В.* Адаптация в переводе: теоретический аспект // IX Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 18–20 октября 2007 г.: тез. докл. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 25–26
- Дзюба Е.В.* Концепты Жизнь и Смерть в поэзии М.И. Цветаевой // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2005. Вып. 15. С. 181–189.
- Золотых Л.Г., Бочарникова И.В.* Антиномическая природа концепта «Жизнь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. 2012. Вып. 3. С. 12–18.
- Иноземцева Е.* Пьяненькие. Образы алкоголиков в русской литературе на примере Мармеладова и Венички [Электронный ресурс]. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=9879> (дата обращения: 17.07.2017).
- Ипанова О.А.* Концепт «Жизнь» в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 223 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Корнеева Е.В.* (КАРЯКИНА Мария Валерьевна) Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 214 с.
- Краснова Т.И.* Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 504 с.
- Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка: 2000 антоним. пар. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л.А. Новикова. М.: Рус. яз., 1984. 384 с.
- Маяковский В.В.* Стихотворения, поэмы, статьи 1912–1917. М.: Директ-Медиа, 2014. 395 с.
- Миллер Л.В.* Когнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
- Михайловский Н.К.* О Л.Н. Андрееве. Воспоминания и исследования. И.Ф. Анненский, С.А. Венгерова, М.А. Волошин, Н.К. Михайловский, Н.К. Рерих. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. 114 с.
- Михайловский Н.К.* Рассказы Леонида Андреева. Страх жизни и страх смерти [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0210.shtml (дата обращения: 11.07.2017).
- Михеичева Е.А.* Феномен самоубийства в «раннем» творчестве Л. Андреева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 149–154.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ОНИКС, 1997. 944 с.
- Орлова Е.Г.* Методология и методики современной лингвоконцептологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. Вып. 2. С. 166–172.
- Осипова А.А.* Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева: монография. М.: Флинта; Наука, 2012. 200 с.
- Пинг Ли Джунан, Чернцова Е.В.* Концепты Жизнь и Смерть в русском языке // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2010. Вип. 60. Ч. I. С. 114–119.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. 191 с.
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В.* Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ как отражение высших ценностей в языке и речи // Единство системного и функционального анализа языковых единиц:

материалы междунар. науч. конф., 11—13 апр. 2006 г.: в 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород, 2006. Вып. 9. Ч. 1. С. 209—216.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте / под ред. Г.П. Нещименко. М.: Наука, 2002. С. 152—170.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: около 100 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.

Хайруллина Д.Д. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 237 с.

Judy Pearsall, Bill Trumble. Oxford English Reference Dictionary. London: Oxford University Press, 2002.

Garzanti italiano (Italian Language). Milano: Garzanti linguistica, 2004.

© Прохорова А.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.10.2017

Дата принятия к печати: 25.02.2018

Для цитирования:

Прохорова А.В. Биполярность концепта «жизнь/смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 224—241. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

Сведения об авторе:

Прохорова Алина Владимировна, аспирант кафедры филологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета. Сфера научных интересов: лингвокультурология. Контактная информация: magomedova27@yandex.ru

THE BIPOLARITY OF THE CONCEPT “LIFE/DEATH” IN THE DISCURSIVE SPACE OF EARLY STORIES BY LEONID ANDREYEV

A.V. Prochorova

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
Education “Belgorod State National Research University”
85, Pobedy str., Belgorod, Belgorod region, 308015, Russian Federation

The article considers the phenomenon of bipolarity of the concept Life/Death and peculiarities of its verbalisation in the early works of Leonid Andreev. The main purpose of this paper is to acknowledge and describe the way and means of the concept explication of the Life/Death concept and estimate of

its bipolar nature. The importance of the paper is defined by the growing interest in the realising of the cognitive structure of a certain kind — bipolar fictional concept whose text-creating role in the opposite discourse has not been studied enough. For Leonid Andreev this bipolar fictional concept is Life/Death. As N.K. Mikhailovsky said “the fear of death, the fear of life... are as such axe-carved parts” which have become dominant for the “Russian Allan Poe”. This paper evaluates how the internal Conflict of the writer is transformed into a major bipolar concept.

Key words: oppositional discourse, bipolar concept, fictional concept “Life/Death”, cultural linguistics

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (1999). *Spornye problemy semantiki [Controversial Semantics]*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ).
- Aketina, O.S. (2013). Kontseptual’nyi analiz khudozhestvennogo teksta i khudozhestvennyi kontsept. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Conceptual analysis of artistic text and artistic concept. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History]*. 3, 3–8. (In Russ).
- Andreev, L.N. (1965). *Literaturnoe nasledstvo. Gor’kii i Leonid Andreev: Neizdannaya perepiska [Literary heritage. Gorky and Leonid Andreev: Unpublished correspondence]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Askol’dov (Alekseev), S.A. (1997). Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology* (pp. 267–279). Moscow: Academia Publ. (In Russ).
- Babushkin, A.P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]*. Voronezh: Voronezh. gos. un-ta Publ. (In Russ).
- Bikmukhametova, R.M. (2013). Kontsepty «zhizn’» i «smert’» v russkom i bashkirskom yazykakh (na materiale paremiologicheskikh i frazeologicheskikh edinitakh). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Concepts of “life” and “death” in Russian and Bashkir languages (on the basis of paremiological and phraseological units). Bulletin of the Chelyabinsk State University]*. 35 (326), 19–22. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russ).
- Demetskaya, V.V. (October 18–20, 2007). Adaptatsiya v perevode: teoreticheskii aspekt [Adaptation in translation: theoretical aspect]. *Proceedings of the IX International Scientific Conference on Translation Studies “Fedorov Readings”* (pp. 25–26). Saint Petersburg: Fakul’tet filologii i iskusstv SPBGU Publ. (In Russ).
- Dzyuba, E.V. (2005). Kontsepty Zhizn’ i Smert’ v poezii M.I. Tsvetaevoi [Concepts of Life and Death in M.I. Tsvetaeva]. *Political Linguistics*. (pp. 181–189). Ekaterinburg: Ekaterinburg Publ. (In Russ).
- Zolotikh, L.G., Bocharnikova, I.V. (2012). Antinomicheskaya priroda kontsepta «Zhizn’». *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya [The antinomic nature of the concept “Life”. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of its teaching]*. 3, 12–18. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. (In Russ).
- Inozemtseva, E. *Pyanenkie. Images of alcoholics in Russian literature on the example of Marmeladov and Venichki*. Retrieved July 17 2017 from: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=9879>.
- Ipanova, O.A. (2005). *Kontsept «Zhizn’» v russkoi yazykovoi kartine mira [Concept “Life” in the Russian language picture of the world]* (Dissertation kand. fil. nauk. Saint Petersburg). (In Russ).
- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and language person*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Korneeva, E.V. (2004). *Fenomen igry v tvorchestve Leonida Andreeva [The phenomenon of the game in the works of Leonid Andreev]* (Dissertation kand. fil. nauk. Ekaterinburg). (In Russ).

- Krasnova, T.I. (2015). *Fenomen oppozitivnosti gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917—1920 (22) gg.* [The phenomenon of the opposition of the newspaper discourse of the Russian diaspora in 1917—1920 (22)]. [Author's abstr. dok. fil. nauk]. Ekaterinburg. (In Russ).
- L'vov, M.R. (1984). *Dictionary of the antonyms of the Russian language: 2000 antonym. pairs.* Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russ).
- Mayakovskii, V.V. (2014). *Stikhotvoreniya, poemy, stat'i 1912—1917.* Moscow: Direkt-Media Publ. (In Russ).
- Miller, L.V. (2004). *Kognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoi kartiny mira (na materiale russkoi literatury)* [Cognitive mechanisms of the formation of the artistic picture of the world (on the basis of Russian literature)]. [Author's abstr dok. fil. nauk]. Saint Petersburg. (In Russ).
- Mikhailovskii, N.K. (2015). *O L.N. Andreev. Vospominaniya i issledovaniya* [About L.N. Andreev. Memories and research]. Moscow-Berlin: Direkt-Media Publ. (In Russ).
- Mikhailovskii, N.K. *Stories of Leonid Andreev. Fear of life and the fear of death.* Retrieved July 11, 2017. from: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0210.shtml
- Mikheicheva, E.A. (2012). Fenomen samoubiistva v «rannem» tvorchestve L. Andreeva. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The phenomenon of suicide in the “early” works of L. Andreev. *Uchenye zapiski Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*]. 149—154. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russ).
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1997). *Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions.* Moscow: ONICS Publ. (In Russ).
- Orlova, E.G. (2013). Metodologiya i metodiki sovremennoi lingvokontseptologii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Methodology and methods of modern linguo-conceptology. *Bulletin of the Udmurt University. A series of History and Philology*]. 2, 166—172. Udmurtiya: Udmurtskii universitet Publ. (In Russ).
- Osipova, A.A. (2012). *Kontsepty «Zhizn'» i «Smert'» v khudozhestvennoi kartine mira V.P. Astaf'eva* [Concepts “Life” and “Death” in the art picture of the world. *Astaf'eva*]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ).
- Ping Li, Dzhian & Cherntsova, E.V. (2010). Kontsepty Zhizn' i Smert' v russkom yazyke. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. Ser.: Filologiya* [Concepts of Life and Death in Russian. *Bulletin of the Kharkiv National University. VN Karazin Sir: Philology*]. 60, 14—119. Kharkiv: Kharkivs'kii natsional'naliy universitet Publ. (In Russ).
- Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2002). *Essays on cognitive linguistics.* Voronezh: Istoki Publ. (In Russ).
- Prokhorova, O.N. & Chekulai, I.V. (2006). Kontsepty ZHIZN' i SMERT' kak otrazhenie vysshikh tsennostei v yazyke i rechi [Concepts LIFE and DEATH as a reflection of higher values in language and speech]. *Unity of the systemic and functional analysis of linguistic units: materials of the international. sci. conf* (pp. 209—2016). Belgorod: belgorodskii gos. uni. Publ. (In Russ).
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research.* Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ. (In Russ).
- Ufimtseva, N.V. (2002). Kul'tura i problema zaimstvovaniya [Culture and the Problem of Borrowing]. *Meetings of Ethnic Cultures in the Mirror of the Language: In a comparative linguocultural aspect* (pp. 152—170). Moscow. (In Russ).
- Ushakov, D.N. (2013). *Explanatory dictionary of the modern Russian language.* Moscow: Adelant Publ. (In Russ).
- Khairullina, D.D. (2009). *Binarnye kontsepty “Ogon'” i “Voda” kak fragment yazykovoi kartiny mira* [Binary concepts “Fire” and “Water” as a fragment of the language picture of the world] (Dissertation kand. fil. nauk. Kazan'). (In Russ).

Pearsall, J. & Trumble, B. (2002). *Oxford English Reference Dictionary*. London: Oxford University Press. (In Eng).

Garzanti italiano (Italian Language) (2004). Milano: Garzanti linguistica (In Italian).

Article history:

Received: 15.10.2017

Accepted: 25.02.2018

For citation:

Prochorova A.V. (2018) The bipolarity of the concept “life/death” in the discursive space of early stories by Leonid Andreyev. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 224–241. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

Bio Note:

Prokhorova Alina, PhD student, chair of Philology, pedagogical Institute of the state Autonomous educational institution of higher education “Belgorod state national research University”. *Research interests*: linguistic and culture. *Contact information*: magomedova27@yandex.ru